

Теория и исследования

Проблемы развития и бытия личности

Валерия Мухина

ЭВОЛЮЦИЯ ЛИЧНОСТИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ МЕХАНИЗМОВ РАЗВИТИЯ И БЫТИЯ

В отечественной психологии утвердилось положение о том, что личность развивается через «присвоение» своей «всесторонней» сущности или иначе «производится» – создается общественными отношениями, в которые индивид вступает в своей деятельности. Тем самым в психологии возникает проблема детерминации, обуславливающей развитие и становление личности.

«... Через других
мы становимся
самими собой»

Следуя за предшественниками, Л.С. Выготский разработал теорию, показывающую внешние детерминанты: «...через других мы становимся самими собой» [1]. «Личность становится для себя тем, что есть она в себе, через то, что она предъявляет для других. Это и есть процесс становления личности. <...> Здесь... становится ясным, почему с необходимостью все внутреннее в высших формах было внешним, т. е. было для других тем, чем ныне является для себя. Всякая высшая психическая функция необходимо проходит через внешнюю стадию развития, потому что функция является первоначально социальной. Это – центр всей проблемы внутреннего и внешнего поведения» [2].

Механизмы
производства
личности

Проблема производства личности порождает вопрос о механизмах этого производства. Механизмы развития и бытия личности необходимо проходят через стадии развития. При этом надо полагать, что эволюция внесла свой вклад и предпослала некие врожденные предпосылки механизмов производства человека.

Погружаясь в наблюдение за животными и человеком и неустанно размышляя, я пришла к заключению, что психический механизм производства целостного человека имеет биологические предтечи и социальные детерминанты и представляет собой систему реакций и процессов, складывающихся и преобразующих действий, состояний и структуры самосознания человека в качестве личности [3]. В то же время психические механизмы (их функционирование и проявления) определяются и внутренней позицией самого человека.

Подражание, отождествление и отчуждение

Я совершенно самостоятельно, будучи по первому своему образованию биологом, открыла для себя подражание, отождествление и отчужденные фразы в поведении приматов. Много позже я стала работать над концепцией механизмов развития и бытия личности, где основополагающими механизмами была названа пара «идентификация – обособление».

В XX веке было предложено достаточно много разнообразных прочтений идентификации и обособления. Полагаю, что будет верно, если я начну с презентации моего понимания идентификации и обособления как механизмов поведения и как качеств личности.

Идентификация как механизм присвоения отдельным индивидом всесторонней человеческой сущности

Механизмом присвоения отдельным индивидом всесторонней человеческой сущности является идентификация*.

В психологии идентификация представлена как механизм эмоционального и иного самоотождествления человека с другим человеком, группой, образцом.

Я предлагаю различать: ***интроекцию*** – интериоризационную идентификацию, которая обеспечивает само «присвоение» и «вчувствование» в другого, а также ***проекцию*** – экстраиоризационную идентификацию, которая обеспечивает перенос своих чувств и мотивов на другого [4]. Только во взаимодействии эти идентификационные механизмы дают возможность индивиду развиваться, рефлексировать и быть адекватным социальным ожиданиям.

Здесь следует указать на те понятия, которые так или иначе отражают феномен отождествления и которые используются в философии, искусствознании и психологии в контексте описания идентификационных процессов и состояний.

* Идентификация, лат. identifico – отождествляю.

Выражения
отождествления

Подражание (греч. mimesis) – в античной философии и эстетике употребляется для обозначения сущности и назначения искусства как средства познания и воспроизведения действительности; *подражание* в психологии употребляется для обозначения воспроизведения одним субъектом движений, действий, поведения и способов эмоциональной и духовной жизни другого человека. Подражание может проявляться и в действиях *самоподражания*.

На равных правах в нашем словоупотреблении используется слово **имитация** (англ. imitation), которое означает подражание, искусное воспроизведение чего-либо.

Заражение – внушаемость, отождествление с другим, неудержимое подражание, усвоение чего-либо от другого.

Повторение – воспроизведение, копия кого-либо, чего-либо; исполнение того же самого; создание подобного; возобновление в памяти бывшего прежде, ранее усвоенного.

Подлаживание – приспособление, синхронизация с действиями других; подражание.

Остальные сопутствующие понятия будут вводиться по мере необходимости.

Идея идентификации как механизма развития и бытия человека сама по себе была бы механистической (здесь можно привести в качестве примера аналогичное социологизаторским положение о «научении»), если бы она не была представлена в диалектическом единстве с идеей о внутренней сущности человека, его активности и зависимости обстоятельств от *самоосуществления* индивида [5], стало быть, действительная свобода проявляется в труде. Кроме того, следует внести поправку в крылатые слова классиков. Как я полагаю, правильнее утверждать: *человек как общественное животное только в обществе и может отождествляться и обособляться* на уровне своего социального и духовного бытия.

Человек только в
обществе и может
отождествляться
и обособляться

Выражения
обособления

В русском языке можно найти ряд слов, по существу созвучных между собой и соединенных друг с другом своими значениями и смыслами. В контекст обсуждения *обособления* следует включить и такие слова-понятия, как *отчуждение, очуждение и чуждость*.

Обособление – действие (внешнее или внутреннее) по значению глагола «обособиться». Обособиться – отделиться, выделиться из общего целого; занять особое положение. Особая форма обособления – отчуждение.

Отчуждение – органичное для русского языка понятие. У Вл. Даля: 1 – отчуждать – значит делать чужим, чуждым; удалять, отстранять, устранять; 2 – отчуждаться – быть отчуждаемым, становиться как бы чужим; 3 – отчуждение – действие обособления. В контексте моего построения концепции я буду использовать понятие «отчуждение» для выражения высшей степени обособления.

Очуждение – уже почти ушедшее из русского языка слово, которое по значению близко к отчуждению. Очуждать – отчуждать, делать чужим, уединять. Очуждаться – становиться чужим или чуждым. Это слово закончило бы свое существование в «Толковом словаре живого великорусского языка» Вл. Даля, если бы его не возродили для нового употребления в особых целях*.

Кроме того, нам придется обратиться и к понятию «чуждость».

Чуждость – свойство по значению прилагательного «чуждый». Значения: чужой; имеющий мало общего с кем-либо по духу, взглядам, интересам и т. п.; далекий, отчужденный. Чуждать, чуждить кого – отчуждать, почитать чужим (Вл. Даль). О переживании чуждости весьма заинтересованно писал Н.А. Бердяев.

Итак, моими рабочими понятиями будут, прежде всего, «обособление» и «отчуждение», но, отдавая долг истории и нюансам значений и смыслов слов и терминов, я посчитала правильным обратиться к идее Б. Брехта о силе сценического воздействия, переводимой в ряде случаев как «очуждение», а также к идее чуждости человека в мире Н.А. Бердяева.

От презентации рабочих понятий следует перейти к обсуждению самого феномена обособления.

Отчуждение
в искусстве

* Переводы сборника статей Б. Брехта «О театре» в части, посвященной «эффекту отчуждения», сделанные Е. Эткиндром и Н. Манушиной, презентуют читателю понятие «отчуждение» в привычном написании (как «отчуждение»). См.: Брехт Б. О театре: Сб. статей. – М., 1960. Однако И.М. Фрадкин в своей книге «Бертольт Брехт. Путь и метод» (М., 1965) счел необходимым ввести понятие «эффект очуждения», сообразуясь с разным написанием и прочтением слов *Verfremdung* (очуждение) и *Entfremdung* (отчуждение). Годом позже в том же издательстве «Наука» выходит книга В.Г. Ключева «Театрально-эстетические взгляды Брехта. Опыт эстетики Брехта» (М., 1966), где нам предлагают два понятия: «очуждение» и «отчуждение»: «И вот для того, чтобы дать возможность зрителю вторгнуться в этот реальный отчужденный мир и этим создать предпосылки для снятия отчуждения... или, как говорит Брехт, способствовать преобразованию мира, и вводятся очуждение отчуждения, то есть очуждение отчужденного мира ради снятия отчуждения» (С. 145). Отдавая должное тонкостям нюансов значений и смыслов этих двух понятий, в своей концепции я буду пользоваться лишь понятием «отчуждение».

Обособление как механизм отстраивания отдельным индивидом своей природной человеческой и личностной сущности

Люди творят обстоятельства и друг друга. Положение о том, что индивиды как физически, так и духовно творят друг друга, представляет человека в *двух его ипостасях: как объекта и как субъекта деятельности*. Даже по отношению к самому себе человек выступает с субъект-объектных позиций.

Механизм отстраивания отдельным индивидом своей природной человеческой и личностной сущности является обособление. Особый случай обособления – **отчуждение**. Я буду также обращаться к понятиям «отчуждение» и «чуждость», к чему меня призывает история их использования.

Идентификация и обособление рассматриваются мною как диалектически связанные механизмы, по своей глубинной сущности находящиеся в *единстве и противоположности*.

В XX веке в психологии было предложено достаточно много разнообразных прочтений обособления. Особенное место в этом отношении понятие «обособление» заняло в феноменологии.

Феномены идентификации и отчуждения в их единичной, самостоятельной сущности исследовались в мировой психологии на протяжении всего XX столетия. Однако понятия «идентификация» и «отчуждение» обычно использовались независимо друг от друга в разных направлениях философии, психологии и искусства; они не обсуждались как взаимодействующее единство целостной системы.

Идентификация и обособление как феноменологически присущий человеку механизм развития и бытия

Я рассматриваю идентификацию и обособление как феноменологически присущий человеку механизм развития и бытия на всех доступных ему уровнях пребывания в мире. Истоки присущих человеку идентификации и обособления я нашла еще в юности, когда училась быть натуралистом, у социальных животных, прежде всего у низших и высших обезьян.

Я рассматриваю идентификацию как механизм отождествления индивидом себя с другим человеком или любым объектом. Идентификация есть непосредственное переживание субъектом (в той или иной степени) своей тождественности с объектом идентификации. В свою очередь обособление я буду рассматривать как *отстранение*, стремление индивида избежать соприкосновения, выделиться из числа других и отойти, уклониться, закрыться. Обособление есть непосредственное переживание субъектом той или иной степени своей отстраненности от объекта обособления. Отстранение может касаться как физического, так и психического и духовного начала человека.

Идентификация – механизм присвоения индивидом своей человеческой сущности; обособление – механизм индивидуализации личности

Объективно идентификация выступает как механизм «присвоения» индивидом своей человеческой сущности, как механизм социализации личности, а обособление – как механизм индивидуализации личности. В то же время идентификация и обособление берут на себя и другие функции. Считаю правомерным обратиться к анализу этих механизмов, которые могут быть представлены в личности и как свойства, ей присущие.

Совершенно правомерно рассматривать развитие и функционирование механизмов идентификации и обособления в контексте биологических и социальных факторов.

Способность к элементарным идентификации и обособлению, безусловно, заложена в генотипических основах поведения живых организмов. Особенно отчетливо это проявляется у новорожденных высших животных и у новорожденного дитя человека.

Весьма быстро через *врожденную идентификацию*, выраженную в ориентировочном подражании, а также через *врожденное обособление*, выраженное врожденными защитными реакциями, названные механизмы начинают интенсивно развиваться, подстегивая друг друга, под воздействием генотипических оснований и условий.

Особое место занимает социальное научение

Особое место в развитии врожденных предтеч механизмов идентификации – обособления занимает социальное научение. Именно через обучение, выступающее как условие формирования сложных функциональных систем – идентификации и обособления, развиваются сложные формы психической деятельности. Перестраиваясь и приобретая новые свойства, врожденные предпосылки идентификации и обособления постепенно вырастают в высшие, собственно человеческие механизмы развития и бытия личности, а также в осознаваемые способы самопрезентации, способы и технологии общения, осознаваемые способы и технологии идентификации и обособления.

Я рассматриваю взаимодействия идентификации и обособления во всех возможных сферах активности человека в телесных, психических и социально-психологических действиях, а именно: 1 – в подражании действию и результату действия; 2 – в сенсорных процессах; 3 – в интеллектуальной деятельности и в речи; 4 – в эмоциональной сфере; 5 – в сфере, уводящей человека в мир воображения, грез и фантазий; 6 – в межличностных и массовых взаимодействиях людей; 7 – в искусстве. В сфере обсуждения фило- и онтогенеза челове-

ка возможны еще и другие аспекты рассмотрения взаимодействия идентификации и обособления.

Рассмотрению развития и функционирования механизмов идентификации и обособления следует уделить специальное внимание.

Идентификация и обособление – механизмы содействующие социализации и индивидуализации человека

Согласно моему видению, идентификация и обособление – механизмы, содействующие социализации и индивидуализации человека. Полагаю, что в этой части моей работы было бы правильнее рассмотреть оба механизма отдельно друг от друга и по возможности выявить: 1 – позитивные стороны их функционирования на уровне врожденных форм поведения и эмоциональных реакций (филогенез); 2 – позитивные стороны их функционирования в контексте врожденных и приобретенных форм поведения, эмоций и чувств (онтогенез); 3 – позитивные стороны их функционирования и сознательно выстраиваемых (культурных) действий в контексте развития и бытия личности.

I. Механизм идентификации: От подражания к рефлексивной личности

Все подражающие подражают лицам действующим,
а действующие необходимо бывают
или хорошими, или дурными.

Аристотель

1 – Происхождение механизма идентификации

Элементарную идентификацию – уподобление – мы можем найти в любом сообществе социальных животных

Элементарную идентификацию – уподобление – мы можем найти в любом сообществе стадных (стаяных) животных.

В юности я провела много времени, наблюдая за низшими и высшими обезьянами, что обогатило мои способности к вчувствованию в некие закономерности поведения этих социальных животных*. Я воочию убеждалась в идентификационных способностях, присущих обезьянам в высшей степени [6].

Во-первых, детеныши имитируют действия, формы поведения взрослых особей. Среди приматов можно наблюдать особенное «обезьянничание» молодняка в их отношениях со взрослыми. Это обстоятельство дает основание говорить о *бессознательной идентификации и имитационном обучении у животных*.

* Некоторые собранные мною материалы идентификации низших и высших обезьян были опубликованы при содействии Н.Н. Ладыгиной-Котс за рубежом; в тематических сборниках в Германии, а также в книге Д. Морриса «Биология искусства» (Лондон, 1962).

Во-вторых, описанные зоопсихологами, биологами и этологами врожденные формы поведения выступают для всех особей одного вида как сигнальные и одновременно идентификационные стимулы. Именно поэтому мы наблюдаем в животном мире такие формы поведения одной особи по отношению к другой, которые мы антропоморфно называем сопереживанием и сочувствием.

В-третьих, в сообществах стадных (стайных) животных мы наблюдаем склонность к кооперации именно потому, что они объединены идентификационными отношениями. Тревога, защита, общение и игры происходят в соответствии с врожденными сигналами (позы, действия, звуки), которые идентифицируют состояния животных. Так, сигнал опасности, издаваемый одним животным, включает автоматически физиологические механизмы (расширение кровеносных сосудов, выброс глюкозы в печень, усиление сердечной деятельности, мышечная мобилизация и т.д.) не только у той особи, которая увидела эту опасность, но и у всех однородных особей, слышащих этот сигнал. Здесь происходит идентификация на биологическом, природном уровне – и все стадо мобилизовано к бою или бегству.

Феномен подражания в начале человеческой истории

В сфере изучения поведения животных понятия «подражание», «подражательный рефлекс» вполне оправданы. В отечественной специальной литературе следует сослаться на труды Г.З. Рогинского, Н.М. Ладыгиной-Котс, Л.Г. Воронина, А.Д. Слонима, К.Э. Фабри [7], а также на работу Б.Ф. Поршнева о начале человеческой истории, где он специально рассматривал имитацию и интердикцию, особый вид двигательного эффекта: подражание. При этом он отдельно рассматривал имитативность (подражательность) у животных [8].

До сих пор загадка идентификации в виде подражания до конца не расшифрована. Б.Ф. Поршнева в свое время писал: «Перед нами некий нейродинамический (и даже, может быть, нейроэнергетический) икс» [9]. Этот «икс» до сих пор не нашел своего исследователя.

Однако многочисленными исследованиями показано, что подражание выражено в раннем онтогенезе, а также в случаях, когда животное после специальной операции (например, в случае двустороннего удаления лобных долей у собак) проявляет весьма выраженный подражательный рефлекс. Иными словами, вследствие резкого ослабления мозговой коры, в частности в лобной области, освобождается из-под тормозящего влияния двигательного-подражательный безусловный рефлекс [10].

Подражание, или *имитация*, возможно, в своей первичной основе, безусловный рефлекс. Но это рефлекс особого рода, эволюционно очень древний, то есть присущий уже относительно низким «этажам» развития человеческого мозга. Кроме того, важно знать, «что любое животное может подражать лишь тому, что отвечает его природе» [11].

Подражание обезьян в рамках своего и другого вида исследовалось и за рубежом [12]. При этом были показаны *уникальные случаи подражания* не только движению, но и предлагаемому образцу – способность дифференцировать именно тот демонстрируемый образец, который предъявлялся для идентификации [13]. В дальнейшем С. Хайс и особенно Н.Н. Ладыгина-Котс привели материалы еще более тонких результатов подражания. Шимпанзе проявили способность подражательно идентифицировать элементы конструктора-образца, подбирая для этого из ассортимента предметов подобные тем, которые включены в конструктор-образец [14].

Имитация действий человека высшими обезьянами

Особый интерес ученых в начале XX века вызывало стремление шимпанзе к имитации действий человека с предметом. Так, Н.Н. Ладыгина-Котс писала о попытках шимпанзе к подражанию. «Вначале подражательные манипуляции носят совершенно хаотический характер, когда есть результат, то вначале он случаен – обезьяна не устанавливает связи между своими действиями и результатом. Однако позже эти связи могут быть установлены – подражание совершенствуется» [15].

Из числа «особенно человекообразных подражательных действий Иони*» надо упомянуть еще об его писании или, вернее, черкании.

Иони видит целыми днями и часами неразлучные со мной карандаши и блокнот, наблюдает процесс моего записывания его поведения и сам стремится воспроизводить те же действия. Я пишу, а Иони старается выхватить карандаши у меня из рук, чтобы самому почеркнуть на той же тетрадке. Я не даю, сопротивляюсь – он плачет и настаивает на своем. <...>

Получив карандаш в руки, он видимо испытывает явное удовольствие... с сосредоточенным видом Иони начинает «рисовать» [16].

Однако, имея свой собственный долгий опыт работы с шимпанзе, хочу сказать, что *подобные «уникальные*

* Иони – шимпанзе, который был объектом наблюдения Н.Н. Ладыгиной-Котс и который жил у нее в доме.

случаи подражания» стоят колоссальных усилий как для экспериментатора, так и для шимпанзе. Часто усилия экспериментатора-натуралиста не дают эффекта, а когда шимпанзе удастся выполнить ожидаемое от нее задание, она истощается до такой степени, что становится агрессивной или впадает в истерику. Такие высокие для шимпанзе ожидания находятся на грани ее возможностей, если это уже не дрессура. Подражательность в рамках отряда приматов – уникальное явление: у этого вида животных наблюдается исключительная способность к идентификации проявлений (недаром в обыденной речи мы часто употребляем слово «обезьянничать»). При этом можно констатировать резкое восхождение подражания от низших обезьян – к высшим, от высших – к человеческому дитя.

Идентификационные эмоциональные состояния

Особое значение имеет подражание *эмоциональным состояниям* особей своего вида. Такого рода эмоциональное психическое заражение я назвала *идентификационными эмоциональными состояниями*.

Так, крик боли одного животного задает идентификационное эмоциональное состояние остальным особям того же вида. Но здесь реакция не столь однозначна: одни особи реагируют острее, другие – менее выразительно. То же мы будем наблюдать при звуках, издаваемых животными в состоянии иного возбуждения, и т.п.

Таким образом, налицо определенные биологические предпосылки идентификации человека.

Сопричастие – особый вид подражания

Особенности идентификации предков человека – безусловно, по большей части гипотетические суждения ученых. Хотя еще Ч. Дарвин писал о том, что «подражание сильно развито у человека и в особенности, как я это сам наблюдал, у дикарей» [17]. Позднее не менее добросовестный Л. Леви-Брюль описал особый вид подражания: *сопричастие* – подражание в мифах [18]. Он писал: «У этих примитивных обществ сила “подражания” проявляется не только в тех случаях, когда люди сознательно преследуют какую-нибудь цель». Даже вне зависимости от интересов их устремление, их «расположение», их манера поведения, «одним словом – все, из чего складывается каждодневный опыт, обязано своим содержанием сопричастию с событиями и существами мифического периода.

Это сопричастие осуществляется посредством подражания. Оно находит свое выражение в сходстве» [19]. *Сопричастие* – важное определение состояния, когда осуществляется *имитация*, подражание и стоящая за этими явлениями идентификация как глобальный ме-

Подражание есть явление психологическое

ханизм, вбирающий в себя описываемые нюансы состояний.

Французский социолог Эмиль Дюркгейм уделял специальное внимание проблеме подражания. Он полагал, что надо специально рассматривать подражание как особый психологический фактор: «Подражание есть, бесспорно, явление чисто психологическое, это вытекает уже из того обстоятельства, что оно возникает среди индивидов, не связанных между собой никакими социальными узами. Человек обладает способностью подражать другому человеку вне всякой с ним солидарности, вне общей зависимости от одной социальной группы, и распространение подражания само по себе бессильно создать взаимную связь между людьми» [20].

В контексте своего исследования Э. Дюркгейм обсуждал, в каком смысле следует употреблять понятие «подражание»: «...мы назовем подражанием акт, которому непосредственно предшествует представление сходного акта, ранее совершенного другим человеком, причем между представлением и выполнением не происходит никакой – сознательной или бессознательной – умственной работы, относящейся к внутренним свойствам воспроизводимого действия» [21]. Термин «подражание» он предлагал использовать лишь в том случае, когда происходит «чисто автоматическое воспроизведение».

Э. Дюркгейм исследовал подражание в контексте социального заражения.

Имитативность внутри родов и видов была биологически полезна

О подражании в эпоху палеолита и имитативном рефлексе обстоятельно рассуждал Б.Ф. Поршнев [22], который опирался на идеи классиков марксизма, труды Ч. Дарвина и исследования антропологов [23]. Во всех работах обязательно указывается на необычайно высокую имитативность. Эта широкая имитативность внутри родов и видов была безусловно биологически полезной. Б.Ф. Поршнев, указывая на безусловную ценность подражания, отмечал, однако, биологическую опасность имитации, когда она разливается за пределы популяций. Имитации могут благоприятствовать массовым сгущениям.

Понятие «сгущение» в разных отраслях наук используется для обозначения усиления интенсивности взаимодействия элементов рассматриваемого явления. В астрономии используется понятие «сгущение» в связи с состояниями космических тел.

Массовые «сгущения» могут порождаться имитационной активностью людей

Имитативность неизбежно сопутствует филогенезу человека

Б.Ф. Поршнев относил «сгущение» к массовым явлениям в ситуациях имитационной активности людей.

Психоанализ использует понятие «сгущение» в контексте обсуждения бессознательного. «Сгущение» было заявлено как особое понятие З. Фрейдом в «Толковании сновидений» (1900) [24]; позднее он показал, что сгущение – это из один из главных приемов остроумия [25].

Я использую понятие «сгущение» при анализе феноменологии онтогенетического развития [26], а также в контексте обозначения усиления идентификации и (или) обособления.

Однако необходимо, чтобы безудержной имитации противодействовала *интердикция* [27]. Восхождение имитативности, согласно Б.Ф. Поршневу, в норме должно контролироваться особым тормозным механизмом, который был им назван интердикцией. Имитация и интердикция в процессе эволюции достигают более высоких уровней [28], влияя тем самым на расширение диапазона адекватных реакций человека.

Я полагаю, что высокая имитативность, способность к спонтанной идентификации с другим (с другими) неизбежно сопутствовала филогенезу человека как феноменологически присущее ему свойство.

Роль идентификации в период предьстории человеческого общества была весьма значительной. Родовой индивид был погружен в поле родовой идентификации. Именно это было организующим началом «гармонии» рода. Родовое «мы» определяло идентификационные отношения членов рода: идентификация формировала склонность к кооперации, а необходимость кооперироваться развивала идентификацию, поднимая ее с биологического уровня на социальный.

Антропосоциогенез проходил под определяющим влиянием труда и общения. Биологические стадные формы существования и биологические формы идентификации предков человека уступили место социальным отношениям. Теперь идентификация протекала не только на уровне врожденных сигналов, но и на социальном уровне, прежде всего в труде. Родовой ребенок отождествлял свои действия с орудийными действиями взрослого, *он пытался подражать не только самому действию, но и его результату*. Таким образом продукт труда стал идентифицироваться с неким *образцом*. Постепенно развивался и родовой *учитель*. Первоначальная педагогика состояла в том, что учитель начал фиксировать внимание на своих действиях, предлагая ученику делать то же самое. Затем он предлагал для подражания сам образец.

На заре человечества родовой человек был склонен одушевлять все свое окружение и отождествлять с собой все предметы, которые он видел. Идентификация стала развиваться и как способность приписывать свои особенности, склонности и чувства другим. Природа одухотворилась. Каждый предмет чувствовал, мыслил, становился опасным или дружественным. Надо было постоянно это иметь в виду, надо было угадать желания и чувства другого существа или одухотворенного предмета. Способность к идентификации неуклонно развивалась. Идентификационные эмоциональные состояния содействовали чувству сопричастия.

В то же время начала развиваться способность и к идентификации с идеальными образами, формирующимися во внутреннем, духовном пространстве человека.

Родовой человек, будучи существом природным – телесным и психическим, становился еще и существом социальным и духовным.

2 – Идентификационные отношения матери и ребенка

Подражание – путь усвоения социального опыта

О том что «подражать присуще людям с детства», писал еще Аристотель [29]. *Подражание* – один из дарованных эволюцией и социально-историческими условиями путей усвоения опыта, прежде всего человеческого.

Новорожденный ребенок современного человека сохранил этологические признаки лица, которые обуславливают возникновение защищающих форм поведения у его матери. Кроме этого, у младенца очень быстро вырабатывается пралингвистическая знаковая система (мимика, особенно улыбки, жесты, восклицания и т.д.).

Такие образования, значимые для общения, формируются на врожденной основе через присвоение ребенком идентифицирующегося поведения взрослого. Ребенок в первые недели уже способен подражать некоторым мимическим действиям, которые ему демонстрируют. При этом мать пристально всматривается в лицо своего дитя, стараясь угадать возможности ребенка, идентифицируясь с ним, а затем как бы продвигает то, что есть пока нереализованная мимическая и душевная потенция, предлагая ему повторить возможные выразительные движения и эмоционально поощряя его.

Пралингвистическая знаковая система младенца воодушевляет взрослых к идентификации.

Присвоенные младенцем элементы пралингвистической знаковой системы умиляют не только мать, но и большинство взрослых. Это своеобразие младенческой мимики действует воодушевляюще на взрослых людей,

особенно на женщин (и тем более на маму). Они тут же стремятся вознаградить малыша эмоционально и ждут ответной улыбки. Ребенка с первых недель его появления на свет учат эмоционально выразительно отождествлению с другим человеком.

В свою очередь та элементарная знаковая система, которой овладевает ребенок, стимулирует определенные реакции у матери. Очень часто мать, идентифицируясь со своим ребенком, начинает пользоваться детской мимикой и жестами для общения с ребенком. На этом уровне они отождествляют средства общения и достигают определенной степени идентификации. Ребенок сам начинает побуждать мать на улыбки и воспроизведение его жестов.

Улыбка младенца приводит мать в гармоническое состояние радости от общения с ним, и она сторицей воздает ему любовью. Здесь мы наблюдаем отношения развивающейся взаимной идентификации, которая обеспечивает формирование у ребенка чувства доверия сначала к матери, а позднее и к человеку вообще.

Непосредственные и специально отработанные идентификационные отношения

Идентификационные отношения взрослого могут быть двух видов: *непосредственные* и *специально отработанные* – представляющие в общении с детьми как прием воздействия с воспитательными целями.

Идентификационные отношения взрослого с ребенком и ребенка со взрослым способствуют эмоциональной и культурной причастности малыша к человеческому роду. Таким образом реально механизм идентификации на социальном уровне начинает прививаться через присвоение ребенком идентифицирующего поведения другого человека путем подражания.

Имитативная активность в раннем онтогенезе имеет свои особенности

Высочайшую двигательную мимическую и вокальную имитативность в раннем онтогенезе нормального ребенка отмечали Ч. Дарвин, И.М. Сеченов, позднее – детские психологи и психолингвисты.

И.М. Сеченов писал: «В процессе развития способности говорить принимает участие со стороны ребенка еще один важный фактор – инстинктивная звукоподражательность. Выясненный в сознании звук или ряд звуков служит для ребенка меркой, к которой он подлаживает свои собственные звуки и как будто не успокаивается до тех пор, пока мерка и ее подобие не станут тождественны. Физиологических основ этого свойства мы не знаем, но ввиду того, что подражательность вообще есть свойство, присущее всем без исключения людям, притом пронизывает всю жизнь... легко понять, что для людей она имеет все характеры родового при-

нака» [30]. Инстинктивная звукоподражательность сочетается в себе двигательную, мимическую и вокальную имитативность – это эволюционное и историческое достижение в развитии человеческой способности к идентификации.

В истории изучения подражательности в детстве следует указать на анализ подражания детскими психологами Дж. Селли, Д.М. Болдуином, В. Штерном, К. Бюлером [31] и исследователями, которые продолжили изучение этого феномена. Дж. Селли описал маленьких языковедов в ситуации первых копирований речи. Д.М. Болдуин выявил разные виды подражания при обучении ребенка рисованию, делая акцент на сознательном подражании. В. Штерн взял на себя труд раскрыть динамику развития подражания. Он описал самоподражание и подражание другому человеку. При самоподражании ребенок обнаруживает стремление повторить какое-либо движение, однажды им произведенное. Очевидно, что «раз определившийся двигательный импульс беспрепятственно действует дальше». Подражая другому человеку, ребенок как бы заражается от взрослого (В. Штерн называл это «заразительные действия»). При этом В. Штерн указывал еще на одну особенность: ребенок в большей мере развивается не за счет непрерывных повторений, а за счет непроизвольного собирания впечатлений, которые, в конце концов, проецирует снова во внешний мир.

Имитационные подражательные развлечения ребенка

Н.Н. Ладыгина-Котс писала об имитационных подражательных развлечениях ребенка: «Человеческое дитя, получающее более свободный доступ и к большему количеству вещей, чем это возможно для шимпанзе, естественно обладает и более многообразной и более изощренной подражательной способностью» [32].

Далее она описывала бесконечное разнообразие подражательных игр ребенка. «Не было того вида *деятельности*, который мальчик (в раннем возрасте. – В. М.) не хотел бы воспроизвести вслед за старшими» [33].

Руди (маленький сын Н.Н. Ладыгиной-Котс. – В. М.) подражал всем и вся: отцу, который штемпелюет бумаги, печатает на пишущей машинке; фотографу, действия которого имитирует с большим энтузиазмом; газетчику, который мечется по улице, выкрикивая продажу газет; пожарникам в своих играх в тушении пожара; и др. [34]. Н.Н. Ладыгина-Котс уделила много внимания специфике детского подражания: зеркальной имитации всему, что исходит от взрослого в общении, в играх, в разных видах деятельности.

Психоанализ создал свое представление об идентификации ребенка со взрослыми. Особое место в этом отношении занимают работы З. Фрейда. Он писал: «В психической жизни человека всегда присутствует “другой”. Он, как правило, является образцом...» [35]. Идентификация мальчика с отцом как физическим и социальным образцом тщательно описывается З. Фрейдом во многих его работах, в том числе в «Психоанализе детских неврозов». Речь идет об идентификации маленького Ганса с отцом и об отрицании им отождествления с матерью [36]. На эту же тему писала А. Фрейд [37], а также ученица Ж. Лакана Ф. Дольто [38]. Описывая игры детей, Ф. Дольто указывает на особенности их подражательности. Психоаналитический подход к идентификации и подражанию имеет, однако, свою специфику, которую мы здесь не будем обсуждать, так как нас интересует более широкий пласт идентификации.

Подражание в детском возрасте в контексте его видения учеными, заинтересованными в понимании онтогенеза

К числу выдающихся работ в сфере детской психологии следует отнести работы Анри Валлона. В контексте обсуждения подражания А. Валлон указывал на тот факт, что «ежеминутно движение ребенка вызывает новое движение, повторяющее его. Ребенок таким образом научается пользоваться своими двигательными органами под контролем вызываемых ими ощущений. В то же время он все лучше идентифицирует эти ощущения, вызывая их движениями, выполняемыми несколько иначе, чем непосредственно предшествующие им». То же сопоставление А. Валлон делает по поводу развития речевого восприятия ребенка [39].

Реми Заззо также констатировал подражание детей, начиная с доречевого возраста, которое имеет большой размах [40].

Особое значение для понимания подражания в развитии речи имеют исследования Романа Якобсона – крупнейшего лингвиста, специалиста в сфере теории коммуникаций. Анализируя законы развития детского языка, Р. Якобсон показал: «Ребенок переходит шаг за шагом от произвольного и бесцельного разговора с самим собой к некоему подобию беседы. Пытаясь соотноситься со своим окружением, он учится отождествлять звуковое явление, которое он слышит и которое он производит сам, которое он хранит в своей памяти и которое он воспроизводит по своей воле. Он отличает его от других звуковых явлений, которые он слышит, удерживает в памяти и повторяет» [41].

Р. Якобсон приводил примеры, когда дети произносят некоторые слова с фонематическими ошибками. Ес-

ли матери в шутку повторяют слова так, как произносят их сами дети (то есть неправильно), то эти дети, слыша ошибки в произнесении слов, сердятся. Факты этого рода широко известны [42].

Этот феномен удерживания в памяти правильного звучания фонем определенного набора слов, произношение которых еще не дается ребенку, я наблюдала у своих сыновей в раннем детстве и позже, когда они правильно дифференцировали на слух фонемы трудных для них слов, однако не могли еще четко их артикулировать [43].

Р. Якобсон показывал, как фонетическое богатство детского лепета начинает уступать место фонологическому ограничению за счет подражания и контроля. Р. Якобсон писал: «Единственно убедительным соответствием между детской речью и языками мира является только тождество структурных законов, которое управляет всеми языковыми модификациями как у индивидуума, так и в обществе...» [44].

По мере созревания психики ребенка произвольная его имитативность подавляется

Исследованиями многих специалистов показано, что по мере созревания психики ребенка произвольная его имитативность подавляется. Она не исчезает вовсе, но внешне сокращается, становится трудноуловимой. (Однако экстремальные обстоятельства провоцируют глубинную произвольную имитативность, в чем я убеждалась не раз, работая с детьми и взрослыми в ситуациях последствий природных, техногенных и террористических катастроф.)

Подражание на протяжении всего онтогенеза проявляется как в произвольной, так и в произвольной форме. В отдельные моменты подражание усиливается или ослабевает под влиянием обстоятельств жизни или под влиянием внутренних причин: эмоционального состояния, физического и психического самочувствия. Содержание предмета подражания также меняется на этапах жизни человека.

У ребенка постепенно развивается произвольная имитативность

В то же время по мере созревания психики ребенка развивается его произвольная имитативность. Она проявляется в разнообразных социальных реакциях, например, в виде *конформизма* или сознательного подражания эмоционально принимаемому образцу. Произвольная идентификация по-новому содействует эффективному развитию мимики, телесных движений и поз, приемлемых для культурной среды, в которой развивается ребенок. Одновременно произвольная идентификация содействует успешному развитию сенсорных процессов, интеллектуальной деятельности, речи, а также эмоциональной сферы.

Ребенок становится современником своей эпохи через идентификацию

Произвольная имитативность дает возможность ребенку обучаться продуктивному взаимодействию с людьми.

Благодаря развивающейся способности идентификации на бессознательном (непроизвольном) и сознательном (произвольном) уровне ребенок развивает свое воображение и постепенно овладевает способностью воспринимать искусство. Ребенок становится современником своей эпохи через идентификацию с присущими ей особенностями.

Во всех ситуациях в младенчестве и раннем детстве идентификационные отношения ребенка с миром опосредуются прежде всего его матерью. Позже на его идентификацию с миром начинают влиять отец, другие близкие люди. Еще позже – сверстники, кумиры и другие значимые люди. Ребенок постепенно через идентификацию становится современником своей эпохи.

3 – Идентификация как механизм развития и бытия личности*

Овладение идентификацией как способностью приписывать свои особенности, склонности и чувства другим (проекция – экстраиоризационная идентификация), как способностью приписывать себе особенности, склонности и чувства других, а также переживать их как свои (интроекция – интериоризационная идентификация) ведет к формированию механизмов социального поведения, к установлению отношений с другим человеком на положительных эмоциональных началах.

Развитие способности к идентификации определяет формирование *социально значимых свойств личности*, например таких, как способность к *сопереживанию* (сочувствию и сорадости) и *активному нравственному отношению к людям, к человечеству, к самому себе*.

Идентификация может осуществляться в качестве техники общения

Идентификация в качестве приема (техники) общения ложится в основу демократического стиля воздействия взрослого (воспитателя, учителя, группового лидера) на клиента, ребенка, подчиненного или близкого человека.

Установлено, что в условиях проявляемой взрослым идентификации повышаются настроение, самооценка и социальная активность ребенка: он общается с другими на уровне тонкой рефлексии. Идентификация как

* Идея отождествления человека с собой, с другими рассматривается в философии начиная от Аристотеля до наших дней. Обсуждение истории этого вопроса не входит в мои задачи.

стиль общения обеспечивается формированием позитивных идентификационных личностных качеств (сопереживание, сочувствие, сорадость и др.). При этом общение со сверстниками выступает как школа социальных отношений – ребенок воспроизводит идентификационные действия, присвоенные им от взрослых.

В отношениях со взрослыми и сверстниками ребенок не только принимает на себя внешнюю роль другого, но и глубоко идентифицируется с ним, усваивая типы его поведения, его чувств и мотивов.

Проекция –
экстериоризационная
идентификация

В то же время развивается и другая сторона идентификации – проекция. Перенос собственных чувств и мотивов на другого – типичная форма проекции, *экстериоризационной идентификации*. Она становится свойственной ребенку на ранних этапах онтогенеза и готовит его к более тонкой рефлексии на себя и на других.

Идентификационные
состояния могут
придавать особую
значимость играм
ребенка

В детстве приписывание своих чувств и мотивов другому человеку или предмету проявляется очень ярко. Из непосредственных наблюдений детей в специально созданных ситуациях видно, сколь велика готовность ребенка переносить свой эмоциональный опыт на другого человека или на неодушевленный предмет. Поэтому ребенок легко идентифицируется с куклой или с другой любимой игрушкой: кукле он приписывает то или иное состояние, которое известно самому малышу (проекция), затем ребенок интериоризируется с этим состоянием куклы и действует в игре от имени куклы и от своего имени. Не только сюжет, но и переживания *идентификационных состояний* захватывают ребенка и придают игре особую значимость.

Именно внимательное наблюдение за тем, как играет ребенок, как осуществляются его индивидуальные проекции и интросекции, открывает наблюдателю особенности душевной жизни ребенка.

Развитие способности к идентификации дает возможность человеку на всех этапах его жизни различать и распознавать эмоции и чувства другого, а позднее соотносить их с эталонным нормативным поведением.

Сочувствие –
разновидностью
идентификации

Разновидностью идентификации является *сочувствие*. Ч. Дарвин описывал эту форму отождествления человека с другим человеком в связи с чувством привязанности к нему. Ч. Дарвин считал, что «сочувствие – это отличная от других эмоция». Ч. Дарвин писал: «Чувство соболезнования обычно объясняют, исходя из предположения, что, слыша или видя страдания других, мы живо их себе представляем в собственном воображении и сами от этого страдаем. Но этого объяснения

едва ли достаточно, ибо оно не учитывает тесного родства между сочувствием и привязанностью. Мы, без сомнения, гораздо глубже сочувствуем любимому человеку, чем человеку для нас безразличному...» [45].

Я полагаю, что почитаемый мною с малых лет Ч. Дарвин не совсем прав. Реакции сочувствия у людей столь многообразны, что сочувствие может быть выражено в сильной мере к незнакомому ребенку, старику, осужденному за дело бедолаге и даже разбойнику. Сочувствие может возникать спонтанно и не только к человеку, но и к раненому или больному животному, сломанному растению и др. Однако в норме сочувствие человека человеку первостепенно.

Заражение состоянием другого – глубинное свойство идентификации человека

Заражение состоянием другого, вчувствование в него – глубинное свойство идентификации человека с человеком.

В конце XIX – начале XX века социальная психология пристально изучала проблему *заражения*: подражания и внушения*. Обсуждались проблемы импульсивности и изменчивости человека толпы, податливость подражанию действиям, податливость внушению и легковерие толпы, заражение толпы и другие феномены идентификации человека с толпой и вожаком толпы.

После этих работ пошел поток исследований подражания человека в условиях массовых скоплений людей.

Во второй половине XX века блистательный анализ феномена идентификации (не используя, однако, самого этого понятия, но по существу описывая именно этот феномен) дал Б.Ф. Поршнев. Автор доказывал, что наши глубинные социальные реакции обусловлены общественно-исторической средой. Он настаивал на значении «мы»: «Реально существовавшая в первобытности общность, взаимосвязь индивидов ощущается... каждым... посредством различных обрядов, обычаев, подчеркивающих принадлежность индивидов к данной общности в отличие от “них”» [46].

Вслед за Ч. Дарвиным Б. Ф. Поршнев показывал, что «“мы”» – это всегда люди... тогда как “они” – не совсем люди» [47]. Он полагал, что в истории человечества «выбор партнера или компаньона» может происходить благодаря общей системе ценностей, общих предпочтений чего-либо. Здесь отбор шел по принципу идентификации с другим. Однако «в другом поражает отличие,

* В качестве примера назову лишь работы Ж. Тарда «Законы подражания» (М., 1892) и «Мнение и толпа» (М., 1902), а также работу Г. Лебона «Психология народов и масс» (СПб., 1898). Эти работы посвящены подражанию человека, находящегося в толпе.

«Мы» – всегда
идентификация
с другими людьми

Идентификация
как феномен
социогенеза
личности

особость (в том числе во внешности), и возникает интенсивное желание... включить его в свое “мы”» [48].

«Мы» – всегда идентификация с другим человеком, с родом, этносом, человечеством: все нюансы зависят от уровня мировоззрения человека, от его рефлексии на историю человечества. Идентификация подчас возбуждается на бессознательном уровне к объектам, по отношению к которым в здравом размышлении следовало бы обособиться. У развитого в разумном и социальном отношении человека идентификация берется под контроль, становится контролируемой и управляемой.

Идентификация как феномен социогенеза личности, как механизм, определяющий бытие личности, имеет двойное воздействие на развивающегося человека. С одной стороны, идентификация обеспечивает присвоение многообразных психических действий, формирует способность к установлению социально значимых взаимоотношений с людьми, ведет к развитию социально значимых личностных качеств. С другой стороны, идентификация может привести к растворению в другом человеке, выхолащиванию индивидуального. Вспомним стихотворение Фридриха Ницше «Подражанье – поражение»:

*Спеша за мною по пятам,
Со мной сравняться хочешь сам?
Чтоб не остаться позади,
Своей дорогою иди!* [49].

Насколько полезно отождествление в период развития, возвращая человеческого дитя, настолько оно может оказаться бесперспективным для взрослого человека, когда он должен возложить на себя ответственность за выбор самостоятельного пути.

В то же время сама по себе идентификация с другим человеком может привести к потере интеллектуальных способностей к сосредоточению, наблюдению и др. Так, Ч. Дарвин жаловался, что, когда мы оказываемся свидетелями какого-либо глубокого переживания, наше сочувствие возбуждается с такой силой, что мы забываем вести тщательное наблюдение или это становится для нас почти невозможным [50].

В условиях разумного воспитания социальное развитие человека идет в направлении формирования личностных качеств, обеспечивающих его успешное существование в группе и группы в целом.

Идентификация обеспечивает усвоение конвенциональных ролей

Я полагаю, что *идентификация* прежде всего обеспечивает усвоение конвенциональных ролей, норм, правил поведения в обществе. Кроме того, идентификация содействует развитию таких позитивных качеств, как *сопереживание, сорадость, толерантность*.

Идентификация еще и способ сознательной регуляции развития и бытия человека как личности

Идентификация, имея происхождение из глубин природно обусловленных форм, отождествления внутри вида (особенно у социальных животных), развивается затем как социально-исторически обусловленный механизм присвоения, отождествления, подчинения и др. Идентификация развивается также и как способ сознательной регуляции развития и бытия конкретного человека как личности.

В качестве механизма отождествления человека по образу и подобию других людей идентификация определяет типологизацию человека референтными для него группами.

(Продолжение следует)

1. *Выготский Л. С.* История развития высших психических функций // Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. Проблемы развития психики. М., 1983. С. 144.

2. Там же.

3. *Мухина В. С.* Проблемы генезиса личности. М., 1985.

4. *Мухина В. С.* Проблемы генезиса личности. М., 1985; *Мухина В.С.* Групповой эскапизм и индивидуальный аутизм – компоненты социального и личностного развития на этапах отрочества и юности // Развитие личности. 2004. №1. С. 156–175.

5. *Маркс К., Энгельс Ф.* Экономические рукописи 1857–1859 годов (Первоначальный вариант «Капитала») // Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. II. М., 1969. С. 109–110.

6. *Мухина В. С.* Исследование подражательных способностей шимпанзе к простейшим графическим изображениям // Биологические основы подражательной деятельности стадных форм поведения. М.; Л., 1965.

7. *Рогинский Г. З.* Подражание у антропоидов // Рефераты научно-исследовательских работ за 1944 г. Отд. биол. наук АН СССР. М., 1945; *Ладыгина-Котс Н.Н.* Конструктивная и орудийная деятельность высших обезьян (шимпанзе). М., 1955; *Ладыгина-Котс Н.Н.* Развитие психики в процессе эволюции организмов. М., 1958; *Ладыгина-Котс Н. Н.* Подражательная деятельность высших обезьян (шимпанзе) в условиях «свободного» общения с человеком и в эксперименте // Биологические основы подражательной деятельности и стадных форм поведения. М.; Л., 1965; *Воронин Л. Г.* К воп-

росу об имитационных способностях низших обезьян. Физиологич. журнал СССР. 1947. Т. XXXIII. Вып. 3; *Воронин Л.Г.* Сравнительная физиология высшей нервной деятельности. М., 1957; *Слоним А.Д.* О взаимоотношениях стадных и подражательных реакций // Биологические основы подражательной деятельности и стадных форм поведения. М.; Л., 1965; *Фабри К.Э.* Стадность, манипулирование и подражание в их взаимосвязи у обезьян // Биологические основы подражательной деятельности и стадных форм поведения. М.; Л., 1965.

8. *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории (Проблемы палеонтологии). М., 1974. С. 298–317.

9. Там же. С. 303.

10. Там же. С. 304.

11. *Мухина В.С.* Исследование подражательных способностей шимпанзе к простейшим графическим изображениям // Биологические основы подражательной деятельности стадных форм поведения. М.; Л., 1965. С. 64.

12. *Warden G.J., Jenkins T.H., Warner L.H.* Introduction to Comparative Psychology. N.-Y., 1994; *Morris D.* The Biology of Art. L., 1962; *Gardner R.A., Gardner B. T.* Teaching Sign Language to a Chimpanzee // Science. 1969. Vol. 165. № 3894.

13. *Warden G.J., Jenkins T.H., Warner L.H.* Introduction to Comparative Psychology. N.-Y., 1994. P. 562.

14. *Hayes C.* The Ape in our House. N.-Y., 1951; *Ладыгина-Котс Н.Н.* Предпосылки человеческого мышления (подражательное конструирование обезьяной и детьми). М., 1965.

15. *Ладыгина-Котс Н.Н.* Дитя шимпанзе и дитя человека. М., 1935. С. 227.

16. Там же. С. 232.

17. *Дарвин Ч.* Происхождение человека и половой отбор // Собр. соч. Т. 5. М., 1953. С. 192.

18. *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1937. С. 431–442.

19. Там же. С. 436.

20. *Дюркгейм Э.* Самоубийство. Социологический этюд. СПб., 1998. С. 122.

21. Там же. С. 130.

22. *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории. М., 1974.

23. *Бунак В.В., Нестурх М.Ф., Рогинский Я.Я.* Антропология. Краткий курс / Под ред. проф. В.В. Бунака. М., 1941; *Григорьев Г.П.* Начало верхнего палеолита и происхождение Homo Sapiens. М., 1968; *Тих Н.А.* Предыстория общества. Л., 1971; *Борисковский П.И.* Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии. Л., 1971.

24. *Фрейд З.* Толкование сновидений. Минск, 2004.

25. *Фрейд З.* Остроумие и его отношение к бессознательному. Минск, 2003.
26. *Мухина В.С.* Таинство детства: В 2 т. Т. 2. 3-е изд. Екатеринбург, 2005. С. 405–406.
27. *Поршнев Б. Ф.* О начале человеческой истории. М., 1974. С. 302.
28. Там же. С. 348.
29. *Аристотель.* Поэтика // Соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1984. С. 648.
30. *Сеченов И. М.* Избр. философские и психологические произведения. М., 1947. С. 265.
31. *Селли Дж.* Очерки по психологии детства. М.; СПб., 1904. С. 172–174; *Болдуин Д.М.* Духовное развитие детского индивидуума и человеческого рода: В 2 т. Т. I. М., 1911. С. 90–114; Т. II. М., 1912. С. 1–85; *Штерн В.* Психология раннего детства до шестилетнего возраста. Пг., 1915. С. 43–47; *Бюлер К.* Духовное развитие ребенка. М., 1924. С. 240–243.
32. *Ладыгина-Котс Н.Н.* Дитя шимпанзе и дитя человека. М., 1935. С. 409.
33. Там же. С. 412.
34. Там же. С. 413–417.
35. *Фрейд З.* Избранное. Книга I. Массовая психология и анализ человеческого «Я». М., 1990. С. 3.
36. *Фрейд З.* Психоанализ детских неврозов. М.; Л., 1925.
37. *Фрейд А.* Детский психоанализ. СПб., 2003.
38. *Дольто Ф.* На стороне ребенка. Екатеринбург, 2003.
39. *Валлон А.* Психическое развитие ребенка. М., 1967. С. 52.
40. *Заззо Р.* Психическое развитие ребенка и влияние среды // Вопросы психологии. 1967. №2.
41. *Якобсон Р.* Звуковые законы детского языка и их место в общей фонологии. М., 1985. С. 106.
42. Там же.
43. *Мухина В. С.* Близнецы. М., 1968.
44. *Якобсон Р.* Звуковые законы детского языка и их место в общей фонологии. М., 1985. С. 110.
45. *Дарвин Ч.* Выражение эмоций у человека и животных. Соч.: В 9 т. Т. 5. М., 1953. С. 823–824.
46. *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. М., 1979. С. 82.
47. Там же.
48. Там же. С. 86.
49. *Ницше Ф.* Стихотворения. Философская проза. СПб., 1993. С. 259.
50. *Дарвин Ч.* Выражение эмоций у человека и животных. Соч.: В 9 т. Т. 5. М., 1953.

